

Л. Е. Филиппова-Стоян¹, Е. И. Игнатьева²

¹Российский государственный педагогический университет им. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;

²Отдел «Дворец А. Д. Меншикова» Государственного Эрмитажа,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Экспонирование памятников со сложной историко-культурной структурой (на примере экспозиции «Дворец А. Д. Меншикова» Государственного Эрмитажа)*

В статье рассматриваются практики работы с артефактами историко-культурного наследия. Вопрос касается только «многослойных артефактов», обладающих двумя и более слоями, имеющих сложную морфологию и представляющих собой целостное единство. В такие артефакты невозможно привнести ничего нового, не разрушив исторически сложившейся целостности материального объекта. Затрагивается вопрос выбора стратегии сохранения, реставрации и экспонирования данных памятников. Задача исследователя — обнаружить в сложной структуре артефакта «эталонный слой», наиболее важный и перспективный для сохранения в историческом и эстетическом смысле. Практики работы с культурным наследием позволяют использовать некоторые исследовательские стратегии и успешно применять их в музейных пространствах. В статье приводятся несколько фактов удачного сохранения и экспонирования многослойности различных артефактов без утраты их отдельных состояний. Для изучения и анализа различных аспектов таких артефактов используется комплекс теоретико-методологических подходов, применимых для изучения памятников культурного наследия как единого организма, который в результате исторического влияния сформировал сложную и изменчивую структуру.

В качестве примеров приводятся памятники Петровской эпохи, дворцовые интерьеры, а также предметы декоративно-прикладного искусства.

© Филиппова-Стоян Л. Е., Игнатьева Е. И., 2021

* Статья была представлена на XV Международной научной конференции «Семиозис и культура: современные культурные практики» (28—29 мая 2021 года, г. Сыктывкар), организованной институтом культуры и искусства СГУ им. Питирима Сорокина.

Ключевые слова: артефакт, структура артефакта, «многослойный артефакт», культурное наследие, экспонирование.

L. E. Filippova-Stoyan¹, E. I. Ignatyeva²

¹The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg,
the Russian Federation;

²The Department of « A.D. Menshikov's Palace» of the State Hermitage Museum,
St. Petersburg, the Russian Federation

Displaying the Monuments with a Complex Historical and Cultural Pattern (as Exemplified by the Exposition of "A.D. Menshikov's Palace")

The article deals with the practice of working with artifacts of historical and cultural heritage. The question concerns only "multilayer artifacts" that have two or more layers, while having a complex morphology and representing a holistic unity. It is impossible to add anything new to such artifacts without destroying the historically formed integrity of the material object. The question of choosing a strategy for preserving, restoring and exhibiting these monuments is touched upon. The task of the researcher is to find in the complex structure of the artifact a "standard layer" that is the most significant and promising for preservation in the historical and aesthetic sense. Practices of working with cultural heritage make it possible to use some research strategies and successfully apply them in museum premises. The article presents several facts of successful preservation and displaying the multi-layered nature of various artifacts without losing their individual states. The complex of theoretical and methodological approaches is used to study and analyze various aspects of such artifacts that are applicable to the study of cultural heritage monuments as a unified organism, which, as a result of historical influence, has formed a complex and changeable structure.

The idea is exemplified by the monuments from Peter the Great's epoch, interiors of a palace, as well as by the objects of decorative arts..

Keyword: artifact, structure of an artifact, «multilayered» artifact, cultural heritage, exposure.

Введение. Большинство стратегий изучения и практик работы с артефактами историко-культурного наследия направлены на выявление, анализ и сохранение их «эталонных» слоев. При таком подходе памятники культурного наследия очищаются от «патины времени», которая нередко представляет особую ценность, отражая

многочисленные воздействия истории. Дело в том, что многие историко-культурные артефакты представляют собой целостные и преобразующиеся во времени единства, морфогенез которых трудно свести к одному «эталонному» состоянию. Такие памятники, изменяясь, усложняясь и дополняясь, с течением времени только обогащают свою форму и «смысловую ауру», при этом сохраняя свои инвариантные структуры или изначальные «первофеномены». Цель статьи — показать морфологические особенности и переплетение в биографии памятников историко-культурных слоев на примере оригинальных предметов из наследия А. Д. Меншикова. Такой выбор связан с хорошей сохранностью артефактов Петровского времени, хранящихся во «Дворце А. Д. Меншикова» в Санкт-Петербурге, а также в Дворцово-парковом ансамбле «Ораниенбаум». Подлинные предметы Петровского времени из коллекции Государственного Эрмитажа содержат ценную информацию для анализа — подобные памятники наиболее перспективно рассматривать с позиции их историогенеза и напластований различных состояний, что позволяет раскрыть всю сложность их материальной формы и смысловой ауры.

В настоящем исследовании использованы научные труды, посвященные подходам, применимым к изучению историко-культурных памятников со сложной структурой. В первую очередь речь идет об организмическом подходе, основными разработчиками которого являются И. Г. Гердер и И. В. Гёте. Вопросы *гештальт-культурологического подхода* к изучению культуры и культурного наследия рассматриваются в работах О. Шпенглера, Г. Д. Гачева и других ученых. *Архитектонический подход*, позволяющий изучать культурное наследие как сложноорганизованную и динамичную целостность, представлен работами И. В. Кондакова. Кроме того, исследование базируется на теоретико-методологических установках *культурогенетического подхода*, представленного в трудах советских и российских ученых: В. М. Массона, Э. С. Маркарян, А. В. Бондарева.

Отдельный блок исследований связан с применением названных выше теоретико-методологических подходов к анализу конкретных сложноорганизованных памятников историко-культурного наследия. В этом вопросе обращают на себя внимание

работы И. В. Леонова и А. В. Бондарева, посвященные анализу историогенеза Дворцово-паркового ансамбля Царского Села.

Кроме того, основу исследования составляют труды авторов, связанных с отдельными артефактами из наследия А. Д. Меньшикова: Е. И. Игнатъевой, Ю. Г. Боброва, М. А. Семиной и других исследователей. Вопросы, связанные с изучением природы и различных аспектов памятников историко-культурного наследия, а также практик работы с ними, представлены трудами А. А. Кедринского, Л. В. Никифоровой, Е. Я. Кальницкой, Н. В. Калязиной, Е. А. Калязина, А. Е. Петраковой и др.

Методология исследования. Работа по сохранению и популяризации указанных памятников требует *особых теоретико-методологических оснований и практико-ориентированных технологий*, позволяющих изучать, сохранять, экспонировать и популяризировать указанные артефакты с учетом историко-культурной сложности их «биографий». Методологической основой исследования являются:

— *системный подход*, позволяющий комплексно изучать и воспринимать сложноорганизованные памятники культуры как преобразующие единства, интегрированные в пространство системы культурного наследия и системы культуры в целом;

— *организмический подход*, интерпретирующий памятники культурного наследия как сложноорганизованные органические единства, морфология которых находится в постоянном движении;

— *культургенетический подход*, раскрывающий сложные процессы сохранения, трансляции и обновления культуры и ее отдельных элементов, включая сложноорганизованные артефакты;

— *архитектонический подход*, позволяющий интерпретировать историогенез памятников со сложной историко-культурной структурой в контексте трансформаций их актуальных, снятых и потенциально востребованных состояний;

— *гештальт-культурологический подход*, раскрывающий психологические особенности восприятия сложноорганизованных памятников, а также практики фрагментирования их отдельных состояний;

— *диахронный метод*, фиксирующий хроноструктурные последовательности исторических преобразований памятников.

Комплекс представленных культурологических методов и подходов позволяет изучать историогенез сложноорганизованных артефактов культурного наследия и применен к анализу частных артефактов из наследия А. Д. Меншикова с позиции раскрытия их исторической многослойности.

Результаты исследования. «Дворец А. Д. Меншикова» как отдел Государственного Эрмитажа экспонирует и включает в свою постоянную экспозицию и фонды ряд уникальных артефактов со сложной историко-культурной структурой.

Так, в Ореховом кабинете, за плафоном, исполненным на холсте французским художником Филиппом Пильманом (?) в 1716—1718 гг., при поэтапной капитальной реставрации дворца в 1966 году «непосредственно на штукатурке, обнаружились неясные следы какой-то росписи, скрытой поздней побелкой, и остатки сбитых лепных обрамлений» [1, с. 83—87].

Как выяснилось, это были два слоя ранних росписей потолка, исполненные в темперно-масляной технике, в основном по сухой штукатурке. Первый, наиболее ранний слой, содержал изображение воина (Петра I) в образе бога Марса и четыре угловые композиции, исполненные в технике гризайль. Это работа была выполнена в 1711—1712 гг. мастерами Оружейной палаты. Копия данной фрески в настоящее время воспроизведена на потолке в спальне Дарьи Михайловны — симметрично расположенном помещении дворца, что позволяет говорить о некоторой сбалансированности экспонирования двух состояний плафона. Второй, поздний слой росписи потолка, частично пострадавший от поздних известковых побелок, относится к периоду не позже 1715—1716 гг. В данном слое новым стал только его угловой декор, центральное изображение воина не подверглось изменениям. На угловых композициях были изображены «летающие на фоне голубого неба лукавые мальчики-амуры с крыльями и лентами за спиной, с пышной гирляндой в руках из роз, георгинов и нарциссов» [1, с. 83—87]. Рокайльное изображение купидонов не соответствовало прежнему барочному стилю изображения царя-воина, которое, по-видимому, должно было преобразиться. Однако работа осталась незавершенной, ее сменил новый съемный плафон, наиболее близкий оформлению помещения с ореховым набором и стилистически соответствующий

французскому стилю «режанс». В ходе расчистки одну из данных композиций удалось сохранить, скрыв нерасчищенный ранний слой с гризайлью. Для экспонирования раннего слоя росписи угловая часть плафона на холсте в настоящее время снята и находится в фонде отдела «Дворец А. Д. Меншикова». Так, через сочетание подлинности, ее фрагментарности и копии была решена проблема демонстрации трехслойного артефакта [2, с. 103—117].

Еще одним примером демонстрации многослойности в экспозиции ГЭ «Дворец А. Д. Меншикова» являются дверные полотна Петровского времени из внутренней отделки василеостровского дворца светлейшего князя начала XVIII в. Как правило, такие съемные элементы практически не сохранялись, данный предмет является подлинным артефактом Петровской эпохи и во все последующие реставрационные периоды служил эталоном при восстановлении столярных дверей в помещениях Дворца.

Дворцовые интерьеры петербургского губернатора А. Д. Меншикова вплоть до ссылки в 1727 г. благоустраивались и расширялись. В дальнейшем дворец был передан в ведение Шляхетного (Сухопутного шляхетного) кадетского корпуса, и в этот период произошел ряд изменений во внутреннем устройстве здания: для воспитанников учебного заведения в Большом зале дворца была организована церковь. Алтарь располагался на месте бывшей приемной светлейшего князя, а дверь в соседний Ореховый кабинет (название кабинета по способу оформления) была заложена, что и способствовало естественной консервации первоначального образа дверных полотен.

Стороны дверей имеют различное оформление: маркетри (мозаика из небольших кусочков дерева на мебели и различных изделиях, включающая другие материалы, например слоновую кость, перламутр, в Голландии — только набор из разных сортов дерева) — с одной стороны, обращенной в Ореховый кабинет, и живопись — с другой (в момент обнаружения дверей была покрыта краской). В ходе физико-химической экспертизы под слоем серо-голубой краски (по предположению реставраторов, голландского производства середины XVIII в.) были обнаружены остатки живописи: в верхней части филенки — изображения вензеля А. Д. Меншикова, в нижней — воинской арматуры, наличие которых привело к многостороннему изучению артефакта с целью последующего восстановления одного из слоев живописи.

Первые раскрития живописных фрагментов выявили три красочных слоя: первоначальный слой росписи — изображение сосуда с цветами; второй живописный слой — стилизованный под мрамор (характерный художественный прием XVII—XVIII вв. для декора — имитация натурального камня); третий, более поздний слой живописи, обнаруженный первичной лабораторной экспертизой, изображение атрибутов светлейшего князя — княжеской короны, монограммы и арматуры в честь воинских заслуг князя.

После тщательного изучения материалов реставрации было принято решение о сохранении и максимально наглядном выявлении всех слоев живописи, одинаково ценных и относящихся к интерьеру Петровской эпохи (по этим слоям можно судить об изменениях интерьера Дворца).

Таким образом, на левом дверном полотне открыт самый ранний слой живописи с цветочной росписью с букетом розанов и тюльпанов в вазоне, характерных при росписи предметов того времени, и монограммой под княжеской шапкой на верхней филенке и на нижней.

На правом дверном полотне фрагментарно представлены все слои: первоначальный с цветами, средний — с росписью под мрамор и поздний — на котором имеются изображения короны, вензеля и арматуры. Другая сторона дверных полотен отделана орехом и повторяет узор наборных панелей Ореховой. На каждом из полотен в верхней филенке есть сквозная утрата в виде прямоугольника [3, с. 169—184].

Еще одним примером, иллюстрирующим историко-культурную многослойность, является экспонированный во «Дворце Меншикова» античный памятник — женская фигура «Цыганка» (?) Гр-3593 (опись: А 262). Данная скульптура являет собой «составной» [4, с. 265—274] памятник: античный женский торс без рук до половины бедер, материал порфир. Более поздние реставрационные дополнения: из черного мрамора: женская голова, ноги.

Античный фрагмент использован итальянским мастером XVII в. для создания целостного художественного произведения. Такой принцип реставрации в целом характерен для XVII в.

Женский античный торс до половины бедер удачно дополнен черным и цветным мрамором. Из черного мрамора выполнены

женская голова и ноги. Несмотря на цвет материала скульптуры, это не портрет женщины арабской внешности: чертам лица придан европейский облик. По сути, это творчески переосмысленный вариант древнегреческой Коры. Древние Коры были полихромны, цветом подчеркивалось их дружелюбие и жизнеспособность. Подобно древним Корам у изучаемого памятника белки глаз и зубы выделены белым мрамором, выдвинутая вперед нога также отсылает к постановкам тела греческих скульптур. Постамент скульптуры выполнен из красного мрамора и представляет собой еще один фрагмент барочного периода. Он состоит из нижней детали юбки статуи, опоры и круглой профилированной базы. Предположительное время реставрации — конец XVII — первая половина XVIII в., на что указывают дополнения к античному торсу, выполненные в барочной стилистике.

Такой пример не является единичным, в собрании Государственного Эрмитажа существует целый ряд античных скульптур, подвергшихся реставрации и составленных из разрозненных фрагментов различных эпох, это так называемые статуи-пастиччо. Время создания артефактов фиксируется по наиболее ранней версии реставрации, а установить первоначальный облик скульптуры порой практически невозможно [5, с. 167—195]. Такое сложное соединение разновременных элементов формирует ее целостный современный вид, все элементы скульптуры являются частью «истории существования» античного памятника [6, с. 11—12].

Анализируя артефакты, представленные на экспозиции во дворце Меншикова, стоит отметить, что фактор многослойности фиксируется в различных видах искусства, в данном случае — не только в архитектуре, но и в произведениях прикладного искусства.

Само здание дворца А. Д. Меншикова, названное по имени первого владельца, имеет сложную многовековую историю. Оно было возведено на подаренном Петром I А. Д. Меншикову Васильевском острове и, по словам иностранного путешественника, стало «главным украшением этого острова». Светлейший князь «создал здесь маленький, но блестящий город из нескольких кирпичных и деревянных зданий и построек» [7, с. 236].

Строительство дворца для первого генерал-губернатора Санкт-Петербурга началось в августе 1710 г. и уже в октябре 1711 г. светлейший князь праздновал новоселье.

Первым архитектором дворца стал Франческо Фонтана, проработавший в Петербурге до 1713 г. и привнесший итальянский «вкус» в облик дворца. В основе архитектурного замысла четырехэтажного здания — поэтажное членение архитектурным ордерами, что наделяет здание чертами классической римской архитектуры эпохи Ренессанса. Черты петровского барокко немногочисленны: к ним можно отнести высокую крышу с переломом и завершающие ризалиты (выступающие части стены) финишеры (сложные по композиции декоративные завершения стены), увенчанные коронами. Многочисленные окна с мелкой расстекловкой в голландском вкусе дополняют экстерьер здания. С именем приглашенного французского архитектора Ж. Б. Леблона связаны интерьерные работы в восточной части дворца. В кабинете Меншикова — Ореховом — стены декорированы наборными ореховыми панелями и пилястрами с золочеными капителями в стиле «режанс».

Таким образом, различные элементы художественных стилей, привнесенные западноевропейскими специалистами, свидетельствуют о многослойности первичного архитектурного решения здания Петровского времени.

Строительные работы во дворце продолжил мастер «палатного и гипсового дела» Готфрид Иоганн Шедель, прибывший из окрестностей Гамбурга в 1713 г. К этому времени строительство здания уже было реализовано и в обязанности нового архитектора вошло как расширение самого здания, так и декорирование интерьеров. Известно, что к работам нового архитектора относится дополнение здания боковыми ризалитами на север и сооружение мусоропровода.

После падения и высылки из Петербурга А. Д. Меншикова в 1727 г., когда завершилась его блистательная карьера, начался новый этап в истории здания — усадьба на Васильевском острове со всем имуществом поступила в ведение Канцелярии от строений, и следующим этапом в истории дворца стала передача его под нужды военного учебного заведения.

В 1731 г. указом императрицы Анны Иоанновны здесь был открыт Шляхетный кадетский корпус, с 1800 г. получивший название Первого кадетского корпуса. Организация учебного заведения в помещениях дворца внесла изменения во внешнее и внутреннее устройство здания: был перестроен фасад и осуществлены функциональные изменения в перепланировке помещений и приспособлении здания к новому назначению. Пришедший на смену барокко стиль классицизм также способствовал изменениям в архитектурно-планировочном решении здания.

Разместившаяся на половине светлейшего князя дирекция корпуса бережно сохранила подлинный интерьер лишь пятиличных покоев А. Д. Меншикова, дошедший в первозданном виде до нашего времени. Это четыре помещения, облицованные голландской плиткой, и одно помещение, декорированное ореховыми панелями. Анфиладная планировка первого и второго этажа здания исчезла. Необходимость устройства церкви повлекла за собой разборку перекрытия между вторым и третьим этажами и уничтожение художественного убранства и живописных плафонов.

Учрежденный указом императрицы Анны Иоанновны кадетский корпус просуществовал более 180 лет, и лишь события 1917 г. привели к закрытию военно-учебного заведения.

В дальнейшем последовала череда передач комплекса зданий под различные назначения. В 1918 г. центральное здание было передано Университету, в 1922 г. — Главнауке, в 1924 г. «Меншиковский музей» был объединен с Историко-бытовым отделением Государственного Русского музея, а в 1928 г. закрыт.

Здания бывшего Кадетского корпуса, расположенные по Кадетской линии, с 1918 г. поочередно занимали курсы подготовки кадров для 1-го резервного Василеостровского полка и Финские пехотные командные курсы, преобразованные в Интернациональную военную школу.

В 1921 г. в этих помещениях располагались Военно-политические курсы им. Ф. Энгельса, на базе которых было создано Училище им. А. А. Жданова по подготовке политработников и военных юристов. В 1932 г. в стенах дворца разместился гражданский Юридический институт им. М. И. Калинина. Перед войной здание заняла Военно-транспортная академия Рабоче-крестьянской Красной армии, а во время блокады здесь находился

лазарет для выздоравливающих военнослужащих. После войны Академия была объединена с Академией тыла и снабжения и получила название Военной академии тыла и транспорта. В 2011 г. было принято решение о передаче зданий бывшего Кадетского корпуса Санкт-Петербургскому государственному университету, где он располагается в настоящее время. В здании Дворца Меншикова с 1954 г. до конца 1960-х располагался Юридический факультет Университета [8, с. 13—23].

Еще в 1950-е гг. было принято решение о передаче здания Дворца Меншикова, обладающего уникальным комплексом предметов Петровской эпохи, Государственному Эрмитажу и организации в нем музея. Открытию экспозиции Государственного Эрмитажа «Дворец А. Д. Меншикова. Культура России первой трети XVIII в.» в феврале 1981 г. предшествовали многолетние и натурные исследования дворца; реставрационно-восстановительные работы и подбор произведений декоративно-прикладного искусства, живописи, скульптуры и графики.

После передачи в 2011 г. остальных зданий усадьбы А. Д. Меншикова Санкт-Петербургским государственным университетом вновь начались работы по реставрации и приспособлению зданий для нового назначения.

Спустя более 300 лет в очередной раз были сделаны уникальные находки, спрятанные под слоями перепланировок, которые позволили сделать ряд архитектурных открытий. Были обнаружены детали отделки фасадов: частично сохранившиеся карнизы, наличники, пилястры, капитель первичного оформления фасада.

Особый интерес вызывают обнаруженные под слоем досок первоначальные слои окраски интерьеров по штукатурке, которые сохранили свой яркий оттенок до наших дней. Эти элементы декора будут музеефицированы в местах их обнаружения. Большинство находок найдено в «Наугольных палатах», в которых после опалы светлейшего князя и смерти императрицы Екатерины I жили Петр II и его сестра Наталья Алексеевна, цесаревна Елизавета Петровна.

Реставраторами архитектурного бюро «Студия-44», ведущими изыскательские работы, обнаружены фрагменты штукатурки, позволившие определить оттенок цвета стен фасада дворца. О том, что они были серого цвета, было известно и раньше, теперь

же удалось выявить оттенок травертина и определить весь облик здания — в сочетании темных серых стен, белых пилястр и светло-желтых капителей. Кроме архитектурных находок, в строительном мусоре реставраторами были обнаружены многочисленные артефакты: фрагменты дельфтской и китайской керамики, печных изразцов первой половины XVIII в., стекла, обуви и монет. Большинство находок относится к периоду Кадетского корпуса — учебные задания, рисунки, игральные карты и курительные трубки. Есть и артефакты, относящиеся к 1940-м гг., периода нахождения госпиталя в здании усадьбы.

Все уникальные находки относятся к культурным слоям одного объекта во временном промежутке от начала XVIII в. — до первой половины XX в. На сегодняшний день продолжается их всестороннее изучение археологами Санкт-Петербургского государственного университета и реставраторами архитектурного бюро «Студия-44». Часть из них в настоящее время экспонируется в помещении университета. *Судьбу всей коллекции — место и способ ее экспонирования еще предстоит решать специалистам* [9, с. 359—367].

Столь разнообразная история усадьбы первого губернатора Санкт-Петербурга не могла не внести коррективы в состояние его зданий. Дворец не пострадал во время войны, но за свою более чем трехвековую историю претерпел множество переделок и реставраций.

На современной экспозиции музея тактично совмещены подлинные и новодельные артефакты. Принцип максимального использования подлинных материалов лег в основу воссоздания облика жилого помещения первой трети XVIII в. Так, например, в помещении одного из экспозиционных залов — в Поварне — реставраторы заново собрали печь, используя старые кирпичи, из которых она была собрана изначально. Еще раньше, при реставрации, проведенной в конце XIX в., этим принципом пользовались реставраторы, собиравшие печи из подлинных изразцов, дополняя их новыми фрагментами. Подлинное украшение дворца — убор помещений расписными плитками. Всего из тринадцати плитковых помещений до наших дней сохранилось только четыре; они декорированы более чем 27 тысячами плиток. Большую часть коллекции составляют голландские плитки

первоначального убранства и лишь около двадцати процентов — это плитки, приобретенные для первой реставрации дворца в конце XIX в., и плитки, технология изготовления которых была разработана ленинградскими реставраторами под руководством Б.А. Мицкевича. В западной половине дворца была утрачена отделка и сведения о ней не сохранились. Теперь в этих помещениях экспонируются подлинные предметы Петровской эпохи, в их числе фарфор, мебель, живопись и уникальные китайские шелковые обои.

Заключение. Таким образом, анализ практик экспонирования артефактов во Дворце Меншикова показывает, что указанные артефакты воспринимаются во всей их исторической сложности и соприсутствии состояний, которые по мере возможности демонстрируются зрителям. И в данном случае многослойность преподносится как фактор, усложняющий и обогащающий памятник, как демонстрация его историогенеза, отразившего различные факты его существования, следы истории. Такой памятник живет в нескольких реальностях, отражая их одновременно либо в некой хронологической перспективе.

Использование обозначенных в начале статьи теоретико-методологических оснований, по мнению И. В. Леонова и А. В. Бондарева, дает возможность увидеть в «многослойных» артефактах не статичные памятники, а сложные развивающиеся историко-культурные «организмы». На основе этих подходов можно проводить анализ генетически связанных друг с другом слоев, «врастающих» в изначальные первообразы, дополняющих и «расширяющих» пространство памятников, а также их «смысловую ауру». По мнению исследователей, в анализе сложноорганизованных памятников значимость имеет каждое «годовое кольцо»: «Данные “кольца”, или слои, могут восприниматься по-разному. Например, они могут “отрываться” друг от друга, контрастировать, вступать в противоречия и даже усиливать друг друга, формируя некие спектры состояний и смыслов. С другой стороны, они могут сплетаться и “размываться”, переходя один в другой, утрачивая границы и образуя единую историко-культурную “ризому”. Следуя логике Христиана фон Эренфельса, <...> речь идет о гештальте в движении — это “историко-культурная музыка”, звучание которой проявляет смену всех ее состояний. Они соприсутствуют, образуют

“складки” и раскрываются в целостности единого и живущего во времени “произведения”» [10, с. 82—83].

Необходимо отметить, что представленный в статье материал достаточно явно актуализирует проблему выбора стратегии сохранения, реставрации и экспонирования артефактов, историко-генез которых содержит сменяющие друг друга состояния. Согласно концепции И. В. Леонова и А. В. Бондарева, указанный вопрос имеет несколько вариантов решения: «Во-первых, достаточно распространенный характер носят практики “очищения” одного исторического состояния. Во-вторых, решение приведенного выше вопроса возможно через экспонирование фрагментов изначального или “другого” слоя, а также посредством сбалансированной “двухслойности” памятника. В-третьих, экспонирование динамично развивающегося памятника возможно посредством раскрытия его “многослойности”» [10, с. 83]. В указанном ракурсе практики сохранения и экспонирования рассмотренных в статье артефактов вполне успешно раскрывают их историко-культурную сложность и различные состояния, сопряженные друг с другом.

Библиографический список

1. Калязина Н. В., Калязин Е. А. Дворец Меншикова в Санкт-Петербурге. История, реставрация, музей. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1996. С. 83—87.
2. Леонов И. В., Филиппова-Стоян Л. Е. Историко-культурные структуры артефактов: методы изучения, критерии идентификации и практики сохранения // Человек. Культура. Образование. 2018. № 2 (28). С. 103—117.
3. Игнатъева Е. И. К истории интерьера Петровского времени: двери с росписью из Дворца А.Д. Меншикова // Петровское время в лицах-2010. К 300-летию дворца Меншикова (1710—2010) : материалы научной конференции. СПб., 2010. С. 169—184. (Труды Государственного Эрмитажа. Т. LII).
4. Семина М. А. Оригинал или римейк. Проблема сохранности и реставрации произведений античной скульптуры // Актуальные проблемы теории и истории искусства : сб. науч. статей / под ред. С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. СПб.: НП-Принт, 2011. Вып. 1. С. 265—274.
5. Музей и современность / М-во культуры РСФСР. НИИ культуры. М.: 1976. С. 167—195.

6. Бобров Ю. Г. Теория реставрации памятников искусства: закономерности и противоречия. М.: Эдсмит, 2004. С. 11—12.
7. Ла Моттре, Обри де. Из «Путешествия...» // Беспятых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях: Ведение. Тексты. Комментарии. Л.: Наука, 1991. С. 236.
8. Дворец Меншикова. Путеводитель / В. В. Мещеряков, И. В. Саверкина, Е. А. Андреева, Е. И. Игнатьева. СПб.: Историческая иллюстрация, 2005. С. 13—23.
9. Широкова Н. В., Антипин В. М. О ходе работ и находках в Наугольных палатах Дворца Меншикова // Петровское время в лицах — 2019 : материалы научной конф. / ГЭ. СПб., 2019. С. 359—367.
10. Леонов И. В., Бондарев А. В. Дворцово-парковый ансамбль Царского Села как историко-культурный гештальт: морфогенез и архитектоника. Статья вторая // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 1 (87). С. 74—85.

References

1. Kalyazina N. V., Kalyazin E. A. *Dvorets Menshikova v Sankt-Peterburge. Istoriya, restavratsiya, muzei* [Menshikov Palace from St. Petersburg. History, restoration, museum]. St. Petersburg: Russian-Baltic's Center of Information «BLIC», 1996, pp. 83—87 (In Russ.).
2. Leonov I. V., Filippova-Stoyan L. E. Historical-cultural structures of artifacts: methods of studying, identification criteria and conservation practices. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovaniye* [Human. Culture. Education], 2018, no. 2 (28), pp. 103—117 (In Russ.).
3. Ignatyeva E. I. To the history of the interior of Peter the Great: painted doors from the Menshikov Palace. *Petrovskoye vremya v litsakh-2010. K 300-letiyu dvortsa Menshikova (1710—2010)* [Personalities from Peter the Great's time — 2010. To Mark the 300th Anniversary of the Menshikov Palace (1710—2010). Proceedings of the Academic conference (Transactions of the State Hermitage Museum T. LII)]. St. Petersburg, 2010, pp. 169—184 (In Russ.).
4. Semina M. A. Original or remake. The problem of preservation and restoration of antique sculpture. *Aktual'nyye problemy teorii i istorii iskusstva* [Actual problems of theory and history of art: collections of scientific articles. Edition. 1], edited by. S. V. Mal'ceva, E. Yu. Stanyukovich-Denisova. St. Petersburg: NP-Print, 2011, pp. 265—274 (In Russ.).
5. *Muзей i sovremennost'* [Museum and modernity] / Ministry of Culture RSFSR. Research institutes of culture. Moscow, 1976, pp. 167—195 (In Russ.).
6. Bobrov Yu. G. *Teoriya restavratsii pamyatnikov iskusstva: zakonomernosti i protivorechiya* [Theory of restoration of art monuments: patterns and contradictions], Moscow: Edsmith, 2004, pp. 11—12 (In Russ.).

7. Aubrey de la Mottraye, «Voyages ...». *Bespyatyh Yu. N. Peterburg Petra 1 v inostrannykh opisaniyakh: Vedeniye. Teksty. Kommentarii* [St. Petersburg of Peter the Great in foreign descriptions: Introduction. Texts. Comment]. Leningrad: Nauka, 1991, pp. 236 (In Russ.).

8. *Dvorets Menshikova. Putevoditel'* [Menshikov Palace. Guide] / V. V. Meshcheryakov, I. V. Saverkina, E. A. Andreeva, E. I. Ignatyeva. St. Petersburg: Historical illustration, 2005, pp. 13—23 (In Russ.).

9. Shirokova N. V., Antipin V. M. On the progress of work and finding in the “Naugol'naya palata” from Menshikov Palace. *Petrovskoye vremya v litsakh — 2019: materialy nauchnoy konf.* [Personalities from Peter the Great's time — 2019: Proceedings of the Academic conference]. St. Petersburg, 2019, pp. 359—367 (In Russ.).

10. Leonov I. V., Bondarev A. V. Palace and park ensemble of Tsarskoe Selo as a historical and cultural gestalt: morphogenesis and architectonics. Article two. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts], 2019, no. 1 (87), pp. 74—85 (In Russ.).